
*Е. ГАЙДАР,
доктор экономических наук,
директор ИЭПП,*

*В. МАУ,
доктор экономических наук,
ректор АНХ при Правительстве РФ*

**МАРКСИЗМ: МЕЖДУ НАУЧНОЙ
ТЕОРИЕЙ И “СВЕТСКОЙ РЕЛИГИЕЙ”**
(либеральная апология)

На протяжении минувшего столетия марксизм был одной из наиболее влиятельных научных доктрин, определявшей как проблематику теоретических дебатов, так и политическую практику в мире. Тиражи сочинений К. Маркса, его последователей опережали тиражи других книг, с ними были сопоставимы разве что тиражи Библии. Лозунги марксизма использовали и гуманисты, и кровавые диктаторы XX столетия. И вдруг все оборвалось. Поражение реального социализма, ликвидация “социалистического лагеря” снизили влияние этого учения, общественный интерес к нему. Имя К. Маркса исчезло из общественных дискуссий. Даже нынешние российские левые имеют слабое представление об основателе научного коммунизма: в своих политологических построениях, не говоря уже о лозунгах, они опираются на что угодно, но только не на марксизм в его изначальном, классическом виде.

Отчасти это неизбежно. Происходит естественная реакция отторжения. То, что насильственно навязывалось на протяжении десятилетий, отходит на задний план, а то и вовсе исчезает из интеллектуальной жизни. О марксизме не хочет думать российская интеллигенция среднего возраста, которой это учение вбивалось на почти анекдотическом уровне — “всесильно, потому что верно”. Марксизмом не интересуется молодежь, воспитанная в постсоветский период, и в лучшем случае не путает Маркса с шоколадными батончиками “Марс”. Марксизмом мало интересуются российские коммунисты. Это, впрочем, неудивительно — слишком многое в оригинальных текстах основоположника противоречит теории и практике его нынешних официальных последователей. Противоречия эти находятся не на уровне цитат, они касаются фундаментальных проблем оценки тенденций мирового развития. И только некоторые правые интеллектуалы, как это ни странно, продолжают, хотя и не часто, обращаться к работам

Маркса, видя в них методологические ориентиры, полезные для анализа современных общественно-экономических процессов.

Марксизм — явление многоплановое. Когда-то В. Ленин писал о “трех составных частях марксизма”, имея в виду философскую доктрину, политическую экономию и теорию социализма (“научный коммунизм”). С учетом опыта минувшего столетия можно уточнить, из каких компонентов складывается марксизм: точнее, какие аспекты марксизма как социального учения могут быть предметом самостоятельного анализа.

Марксизм — целостное мировоззрение, “светская религия”, призванная дать однозначный, исчерпывающий ответ на все вопросы развития природы и общества. Эта роль была приписана марксизму не столько основоположниками, сколько последователями и вульгаризаторами в XX в., которые на базе ограниченного набора цитат пытались объяснить многообразие мира и общества. У такого подхода была объективная основа: философия марксизма, опирающаяся на гегелевскую традицию, претендовала на универсализм, а политическое господство марксистских (коммунистических) партий позволяло навязывать своим гражданам это учение как единственно верное¹.

Й. Шумпетер в свое время обратил внимание на неразрывную связь в марксизме элементов научной теории и светской религии. Научный характер, опора на обширный фактический материал, теоретические построения придают марксизму убедительность. Элементы светской религии — объяснение мирового устройства, прогноз развития, руководство к практическим действиям, рассуждения на тему добра и зла — делают его особенно притягательным². Он же отмечал, что марксизм предлагает молодому человеку, который не обладает системными взглядами на взаимосвязи общественных процессов, целостное представление об устройстве мира, законах его развития, моральном долге. К. Поппер, в юности очарованный логикой К. Маркса, а затем посвятивший большую часть жизни полемике с ним, обращал внимание на завораживающее обаяние марксизма: его идеи создают ощущение, будто ты познал законы истории, увидел картину будущего. Они дают неявный моральный посыл — помочь свершиться неизбежному³. На этой почве выросла светская религия со всеми ее атрибутами, включая жестокое преследование еретиков⁴.

¹ Некоторые западные исследователи обращают внимание на то, что не только в коммунистическом мире, но и на Западе отношение к Марксу было близко к мистическому: “Для Запада времен “холодной войны” он был демоническим прародителем всего зла на земле, заложившим основы чудовищного культа, человеком, чье пагубное влияние должно быть ликвидировано. В Советском Союзе в середине XX века он приобрел статус светского Бога, у которого Ленин выступал Иоанном Крестителем, а товарищ Сталин, конечно же, был Мессией”. См.: Френсис У. Карл Маркс. М.: АСТ, 2003, с. 6.

² Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London, Unwin Paperbacks, 1987, p. 5.

³ Подробнее см.: Popper K. *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. London, Routledge, 1992, p. 34.

⁴ Анализ марксизма (коммунизма) как религии в сравнении с католицизмом предложен А. Кестлером. Он писал: “Марксизм — закрытая система (как фрейдизм и католичество). Это, во-первых, универсальный метод, притязающий на объяс-

Как и всякая религия, марксизм состоит из разнородных элементов: *символ веры* — тезис, от которого нельзя отказываться, его можно лишь интерпретировать в зависимости от обстоятельств; *ритуалы и символы*; а также *научные компоненты*, отражающие реальный мир и помогающие его понимать.

Как наука об обществе марксизм включает следующие компоненты: *экономическая теория*, охватывающая микроэкономику (первые главы 1-го тома и некоторые главы 3-го тома “Капитала”) и макроэкономику (2-й и 3-й тома “Капитала”); *философия истории*, или теория общественного развития, изложенная в таких работах, как “Манифест Коммунистической партии”, “К критике политической экономии”, отдельные главы 1-го тома “Капитала”, а также в ряде работ Ф. Энгельса (прежде всего “Анти-Дюринг”); *теория классовой борьбы и революции* — этому посвящены “Манифест Коммунистической партии”, “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, “Гражданская война во Франции”, а также работы Ф. Энгельса “Положение рабочего класса в Англии”, “Крестьянская война в Германии” и др.; *теория экономической истории* как преломление философии истории и теории классовой борьбы к развитию экономических институтов и народного хозяйства как такового (“К критике политической экономии”, отдельные главы “Капитала”, ряд статей и писем); *история экономической мысли*, изложенная в “Капитале” и особенно в “Теориях прибавочной стоимости”. Приведенный список не полон, но он дает представление о марксизме как о социальной доктрине.

С точки зрения прошедшего столетия и накопленного человечеством опыта *наиболее интересными и актуальными компонентами марксовской теории являются, по нашему мнению, философия истории как метод исторического анализа и теория экономической истории*⁵.

Экономическая теория К. Маркса в узком смысле (микро- и макроэкономика) менее интересна сама по себе, так как она, по существу, лишь стала логическим завершением рикардианства. Маркс, восприняв работы Д. Рикардо как последнее слово экономической науки, высмеял некоторых последователей и вульгаризаторов классической школы и попытался применить классический анализ к описанию современной ему экономической системы. К моменту их публикации

нение всех на свете явлений и на решение всех пугающих человечество проблем. Закрытая система не модифицируется в соответствии со вновь обнаруживаемыми фактами, а вырабатывает эластичные средства для нейтрализации этих фактов, с помощью высокоразвитой казуистики подчиняет их заданной схеме. Как только вы вступаете в магический круг закрытой системы, вы лишаетесь почвы для самостоятельного диалога с ней” (Кестлер А. Автобиография. Фрагменты книги. Иностранная литература, 2002, № 7, с. 210–211). Марксизм как светскую религию рассматривает М. Ротбард (Rothbard M. Classical Economics. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought. Vol. II. Cheltenham–Northampton MA, Edward Elgar, 1995, p. 319–321).

⁵ Й. Шумпетер усматривал важнейшее достижение К. Маркса как раз в экономической интерпретации истории, в его видении “имманентной эволюции экономического процесса”: “Именно этот факт, и только он дает Марксу право на величие как экономиста-аналитика” (Шумпетер Й. История экономического анализа, т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001, с. 578–580).

построения Маркса выглядели уже несколько устаревшими. К этому времени уже вышли в свет первые работы представителей австрийской школы, выполненные в рамках субъективной теории ценности, опубликованы продолжающие и развивающие классическую традицию труды Д.С. Милля, в которых он делает серьезный шаг за границы рикардианского мира. В этом смысле вообще марксистская политэкономия имела ограниченную научную значимость. Ее практический смысл состоял в создании доктринальной базы для обоснования “классовой борьбы пролетариата”⁶.

Поэтому именно на марксистском методе исторического анализа и трактовке экономической истории мы сосредоточим внимание в данной статье. Речь пойдет как о принципах, которые были сформулированы в работах самого Маркса, так и об опыте творческого осмысления марксизма, его применения к последующему развитию событий. Мы намерены показать, какие из элементов общественной теории марксизма были ошибочными, утратили свое значение, а какие представляют ценность и в наши дни. Надеемся, что такой анализ будет способствовать упорядочению взглядов той части российского образованного класса, которая интересуется фундаментальными проблемами общественного прогресса. Это тем более важно, что осколки марксизма глубоко укоренились в сознании наших сограждан, причем по преимуществу не в виде научной теории, а в вульгаризованном, обращенном в культ наборе догм.

Марксистская философия истории: зарождение и развитие

Философия истории в марксистском понимании — не только метод изучения прошлого, но и способ анализа тенденций развития отдельных стран и всего мира. Он основан на формулировании детерминант, определяющих изменения организации общественной жизни, закономерностей, вытекающих из самого факта наличия этих детерминант. Для понимания сути и места марксизма в интеллектуальном развитии человечества, его возможности влиять на современный общественный анализ необходимо принять во внимание особенности той эпохи, в которой формировались основы данной доктрины.

Особенности эпохи формирования марксистской доктрины

Возникновение учения К. Маркса было связано с определенным этапом развития общества вообще и его экономической базы в частности. Понимание особенностей этого периода принципиально важно

⁶ Можно предположить, что сам Маркс осознал провал своей попытки создать оригинальную и непротиворечивую экономическую теорию. Иначе трудно объяснить потерю им интереса к работе над “Капиталом”, который так и не вышел при его жизни за рамки 1-го тома.

для адекватного восприятия марксизма. Надо обратить внимание на следующие характеристики материальной и интеллектуальной среды, в которой формировалось марксово понимание истории⁷.

Эта эпоха характеризовалась высоким динамизмом развития производительных сил и всей жизни общества. В первой половине XIX в. стало ясно, что старый мир, в котором поколения сменяли друг друга, оставляя неизменным уклад жизни, ушел в прошлое. Экономический рост превратился в характерную черту нового времени. В его основе лежал технический прогресс, внедрение в производство принципиально новых технологий. *Развитие промышленности стало важнейшим фактором экономического прогресса.* А. Смит, писавший свой знаменитый труд во второй половине XVIII столетия, еще не видел особой, приоритетной роли промышленности в обеспечении экономического роста; для него наиболее уважаемой отраслью было сельское хозяйство⁸. Это неудивительно: в эпоху Смита хорошо организованные аграрные монархии были образцом сильных, процветающих государств. Отсюда либерализм классической школы: если структурных приоритетов не существует, то оптимальна та экономическая политика, которая обеспечивает развитие в каждой стране секторов, имеющих сравнительные преимущества. Рекомендации Смита лишены структурного компонента, не выделяют отраслевых приоритетов.

Иначе обстояло дело в середине XIX в. К этому времени ведущая роль промышленности стала для всех очевидной. Новые реалии обусловили два центральных вывода Маркса. Развитие промышленности — атрибут социально-экономического прогресса. На авансцену истории выходит промышленный пролетариат. Он становится ведущей социальной силой в общественном развитии.

Обнищание трудящихся как следствие развития капитализма представлялось одной из важнейших особенностей нового времени. Этот тезис — один из наиболее противоречивых в теории Маркса, но в то же время он и один из важнейших в марксистской идеологии. Ухудшение положения трудящихся считалось очевидным фактом на протяжении первой половины жизни Маркса, примерно до 1860-х годов. Именно в этот период закладывались основы и формировалось мировоззрение создателей нового учения. Вдумчивый исследователь не мог обойти данную проблему. Об обнищании трудящихся писали решительно все — публицисты, правительственные чиновники, ближайший друг и соавтор Маркса Ф. Энгельс⁹. Обнищание хорошо вписывалось в гегелевскую диалектику при описании логики исторического прогресса (точнее, естественным образом следовало из

⁷ О влиянии специфических условий первой половины XIX в. на формирование взглядов К. Маркса см.: Field A. The Future of Economic History. Boston, Pordrecht Lancaster, 1987, p. 301; Rostow W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, Cambridge University Press, 1960, p. 157.

⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.—Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.

⁹ Работу «Положение рабочего класса в Англии», написанную в 1844–1845 гг., Маркс назвал гениальной (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 8). Энгельс стал заниматься экономическими проблемами раньше Маркса, именно он пробудил у Маркса интерес к ним.

этой логики) — трудящиеся через обнищание (отрицание собственности) приходят к новому положению, становясь господами своей жизни и даже истории (отрицание отрицания).

Нельзя с уверенностью говорить об абсолютном обнищании трудящихся даже на протяжении тех тридцати лет, которые предшествовали появлению главных работ К. Маркса. Скорее можно говорить об ухудшении положения городских низов (пролетариата), об очевидности новой социальной дезорганизации по сравнению с предыдущими десятилетиями. В прошлом бедность концентрировалась в деревне. В городах была велика доля более благополучных сословий (ремесленники, купцы). Проблемы бедности и безработицы были очень мало значимы как для политиков, так и для исследователей. При Марксе нищета перебралась в город. Она стала не просто более заметной для элиты, но, главное, резко контрастировала с бурным ростом производительных сил, великими открытиями, немыслимым прогрессом науки и техники.

Все экономические авторитеты того времени утверждают, что обнищание является "железным законом", оно естественно для общественного развития. Нищета трудящихся логически вытекает из экономической теории Д. Рикардо. Т. Мальтус статистически доказывает неизбежность голода и нищеты, базируясь на биологических законах. Н. Сениор обосновывает, почему зарплата должна быть низкой и скорее всего и далее будет понижаться. Из того, что уровень зарплаты ориентируется на удовлетворение минимальных потребностей рабочего, исходили К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах времени написания "Манифеста Коммунистической партии"¹⁰.

Выводы исследователей, доказавших ошибочность взглядов об ухудшении положения рабочего класса на начальных стадиях индустриализации в Англии, объединены в работе "Капитализм и историки" под редакцией Ф. Хайека¹¹. Но и ее авторы согласны с тем, что в 1830–1840-е годы мнение об углубляющейся нищете рабочих было широко распространено. Обратим внимание, что эти представления бытовали как раз в то время, когда происходили серьезнейшие социальные перемены и беспрецедентное расширение экономических возможностей. В такой обстановке концепция, связывающая логику экономического развития, неотвратимость коренного изменения общественного устройства и сдвигов к улучшению жизни низших классов, не могла не появиться.

Ограниченность потребностей непривилегированного сословия (большинства населения) была важной особенностью доиндустриальной и индустриальной эпох. Потребности индивида рассматривались как простой и универсальный (присущий всем людям) набор условий, необходимых для поддержания их жизнедеятельности. Еда, одежда, средства для поддержания семьи — к этому в основном сводилось то, что

¹⁰ "Умному буржуа нечего доказывать, что рабочий... получит не более высокую заработную плату, чем та, которая абсолютно необходима ему для поддержания самого скудного существования. Рабочий получает... ровно столько, сколько необходимо для сохранения его в качестве действующей рабочей машины" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 63).

¹¹ Capitalism and the Historians. Hayek F. (ed.). Chicago, The University of Chicago Press, 1954, p. 14.

могло понадобиться человеку. В условиях прогресса производительных сил нехватка необходимых для жизни продуктов перестала быть результатом действия слепых сил природы — общество было способно производить столько, сколько требовалось (во всяком случае, при данном уровне народонаселения). Удовлетворение потребностей людей не требовало особых изменений в технической базе и представлялось вполне достижимым при ином общественном устройстве, обеспечивающем более справедливое распределение создаваемых благ. Материальный базис общества формировал предпосылки перераспределения.

Концентрация и централизация производства явно обозначились в XIX в. как доминирующие тенденции. Они подкрепили тезис о поляризации сил в капиталистическом обществе, пролетаризации большинства и обогащении меньшинства, подрыве политической базы капиталистического господства. Эти тенденции подводили к выводу о росте масштабов обобществления в недрах капиталистической системы, создании материальных предпосылок формирования общественной собственности. В условиях капитализма их продолжение означало бы образование “железной пяты” олигархии, которая способна противопоставить себя большинству общества.

Господство взглядов, предполагавших *монизм мироустройства*, было обусловлено великими открытиями XVIII–XIX вв. Прогресс науки свидетельствовал о принципиальном единстве мира, его эволюции в соответствии с универсальными законами природы. Это подталкивало к попыткам построить столь же универсальные законы общественного развития. Их поиском активно занималась немецкая философия. Аналогичную задачу поставил ее преемник — К. Маркс.

Наконец, нельзя забывать о *факторах практической политики*. В середине XIX в. на политическую арену западноевропейских стран выходят пролетариат, социалистические партии. Первые строки “Манифеста...” об объединении сил старой Европы “для священной травли этого призрака”¹² не были преувеличением молодых энтузиастов. Революции 1848 г. потрясли основы европейского миропорядка. Во Франции социалисты были близки к захвату власти, переворот Луи-Наполеона 2 декабря 1851 г. предотвратил переворот социалистический¹³. В контексте особенностей эпохи, ее материальных тенденций и идеологический поисков и надо оценивать главные доктринальные установки основоположников “научного коммунизма”.

Принципы марксистской философии истории

Можно выделить следующие ведущие принципы марксистского видения истории развития общества.

1) Фиксация феномена социального прогресса, развития общества по восходящей линии — от низших и простых форм к более высоким. Этот принцип вытекает из гегелевской диалектики, он является неотъемлемым атрибутом философских систем XVIII — пер-

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 423.

¹³ Подробнее см.: Смирнов А. Империя Наполеона III. М.: ЭКСМО, 2003, с. 159–163, 183–190.

вой половины XIX вв., основанных на интеллектуальной базе эпохи Просвещения. В работах Маркса акцент делается на проблемах развития, перехода общества от одного состояния к другому.

2) Экономический детерминизм, вычленение фактора, определяющего движение всех форм общественной жизни, — развитие производительных сил.

3) Экономический детерминизм позволяет выявить “железные законы”¹⁴, управляющие развитием общества. Задача исследователя состоит в раскрытии этих законов. “Железными” эти законы являются не потому, что они действуют вечно, а лишь в силу своей неотвратимости, объективности для человека и общества.

4) Наличие различных типов производительных сил позволяет выделить крупные фазы в развитии человечества — общественно-экономические формации: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм. Докоммунистические формации иногда рассматривались как “прогрессивные эпохи” одной “общественной экономической формации”, которым противостоит коммунизм, означающий выход за пределы экономической формации и начало собственной истории человечества¹⁵. “Железные законы” с этой точки зрения имеют исторический характер, действуют только в рамках докоммунистической формации (или ряда формаций).

5) Линейность и универсальность прогресса и определяющих его законов общественного развития задают методологическую базу прогноза тенденций общественного развития. Суть методологии прогноза — тезис о том, что “страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего”¹⁶.

6) Развитие сложившейся в XVIII–XIX вв. капиталистической системы ведет к обострению ее внутренних противоречий, прежде всего конфликта между трудом и капиталом. Укрупнение производства, его концентрация, централизация укрепляют общественный характер производительных сил, все более противоречащий частной форме организации производства, что ведет к пролетарской революции. Ее результат — уничтожение частной собственности, переход от капиталистической системы к коммунистической.

7) Для марксистской доктрины характерно признание феномена “конца истории”. Настойчиво (хотя и неявно) проводимое представление о конечном состоянии, к которому стремится человечество, заимствовано у Г. Гегеля. У него это прусская монархия, у К. Маркса — коммунизм¹⁷.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7, 8.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 9.

¹⁷ На конечность истории у Маркса обращали внимание и его жесткие критики (Rothbard M. *Classical Economics. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. II, p. 317). Разумеется, эта традиция не может однозначно ассоциироваться с коммунистической моделью. Тезис Ф. Фукуямы о “конце истории” укладывается в интеллектуальную традицию, идущую от Г. Гегеля и К. Маркса (Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ–Ермак, 2004, с. 8–10). Подобный вывод обычно возникает в те моменты истории, когда торжество определенной идеологии кажется абсолютным.

8) Активный характер историко-философской концепции, ее нацеленность не только на познание мира, но и на его преобразование: “Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его”¹⁸. Это предполагало разработку теории классовой борьбы и революции.

9) Активный характер учения распространялся и на человека. Индивид выступает как продукт определенной социально-экономической среды (все тех же “железных законов”), природа человека может меняться по мере перехода от одной формации к другой.

В 1840-е годы перед глазами К.Маркса проходит картина бурных изменений в производительных силах, связанных с ними перемен в организации общественной жизни. Они носят масштабный, системный характер, протекают на фоне растущих производственных возможностей и бедственного положения основной части населения. А экономическая теория твердит: жизнь рабочих лучше не будет — это невозможно, иного способа производства, кроме капитализма, придумать нельзя.

Какой вывод из этого сделает исследователь, готовый допустить возможность существования других способов производства? Догадаться нетрудно: капитализм, развиваясь, обостряет до предела внутренние противоречия между богатеющими и беднеющими и создает технологические возможности, позволяющие организовать производство и общество иначе. Сам капитализм, будучи продуктом общественной эволюции, не вечен. Этот вывод накладывается на гегелевскую диалектику, которая видит экономику и общество как развивающиеся системы, подкрепляется примером других менее развитых стран, где, хотя и позднее, чем в Англии, происходят схожие перемены. Сомнений быть не может: Англия показывает своим последователям картину их будущего. Еще нет четкой картины мирового развития в условиях современного экономического роста, никому не известно, что начался сложнейший исторический процесс, в ходе которого возможны неожиданные изменения, казалось бы, непоколебимых, прошедших испытание десятилетиями тенденций. Маркс опирается на опыт развития европейских государств, накопленный за несколько десятилетий. Ему кажется, что он понимает закономерности наблюдаемых перемен, а значит — открыл “железные законы истории”, хотя и не любит это несколько выпященное сочетание слов.

Сам Маркс дал ясное описание своего видения закономерностей исторического процесса: “В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает со-

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 4.

циальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества”¹⁹.

Совокупность базовых тезисов марксизма, его претензия на раскрытие универсальных законов истории вместе с активно-преобразовательной нацеленностью историко-философской доктрины придают учению мессианский характер. Это хорошо видно из “Манифеста Коммунистической партии”. Его авторы и не пытались это скрывать. В наиболее развитом виде доктрина сформировалась к концу 1860-х годов, когда был опубликован первый том “Капитала” (1867).

К этому времени история современного капитализма насчитывала несколько десятилетий. Казалось, она подтверждала вывод о наличии универсальных закономерностей исторического прогресса. По пути Англии, вслед за Бельгией и Голландией пошли Франция, США и затем Германия. Они демонстрировали те же изменения в производительных силах, сходные социальные проблемы, аналогичные сдвиги в общественной структуре. Поскольку все это было ново, опыта развития в условиях современного экономического роста не существовало, никто не мог оценить сложность данного процесса.

Первые модификации и уточнения

Учение Маркса сразу после своего оформления начало уточняться и видоизменяться. Марксизм действительно оказался “живым учением” (как утверждала позднее советская пропаганда). Борьба велась не только с представителями иных течений общественной мысли, но и среди самих марксистов²⁰. Модификации и уточнения были связаны с новыми обстоятельствами, становившимися все более очевидными по мере развития капитализма.

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6–7. Получившим марксистское образование приведенная цитата хорошо известна. Однако, поскольку число таких людей в России постепенно сокращается, мы позволили себе привести ее здесь.

²⁰ Разброс мнений среди учеников и последователей был таков, что, как говорят, сам Маркс по поводу некоторых интерпретаций адептов своего учения как-то воскликнул: “В таком случае я знаю только, что сам я не марксист” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 491, 642).

Дифференциация положения рабочего класса и буржуазии, еще недавно казавшаяся стремительно нарастающей, ведущей к их лобовому столкновению, в наиболее развитых странах стала постепенно ослабевать. Вопрос о том, действительно ли заработная плата в 1820–1850 гг. имела тенденцию к понижению, навсегда останется спорным. Но то, что во второй половине XIX в. доходы рабочих начинают расти — очевидный и доказанный факт. Был найден социальный компромисс. Становилось ясно, что капитализм не исключает политическую интеграцию рабочего класса в структуры капиталистического общества. Расширяется избирательное право, введено фабричное законодательство, легализованы профсоюзы. Все труднее доказывать, что государство — лишь “аппарат по управлению делами буржуазии”.

На протяжении длительного периода на это можно было закрывать глаза, пытаться доказывать, что улучшение положения рабочих является лишь видимым или временным. Ф. Энгельс пытался следовать логике “железных законов”, стремился видеть в этом тенденции к усилению эксплуатации в странах “второй очереди” развития капитализма²¹. Он же выдвинул тезис о появлении в Англии рабочей аристократии, чье положение улучшается на фоне роста нищеты основной массы рабочих: “Но что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше”²². Тогда же возникла традиция идеологизированных объяснений улучшения положения рабочих как явления то ли временного, то ли вовсе несуществующего. Это хорошо видно из заявления Энгельса, сделанного в 1886 г.: “Буржуазия достигла дальнейших успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса”²³.

Но Маркс, один из наиболее серьезных и проницательных исследователей своего времени, не мог не заметить возникновения новых веяний в развитии капитализма по сравнению с первой половиной XIX в. Это понимание находит отражение в “Капитале”, где зарплата пролетария определяется уже не минимально необходимым для его жизни и воспроизводства объемом средств, но некоторой средней стоимостью рабочей силы. Открывается возможность для признания факта роста благосостояния рабочих.

²¹ “Франция, Германия и особенно Америка — вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода, сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом; и в настоящее время — и это весьма любопытно — достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность находилась в 1844 году. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни рабочего класса в Америке весьма отличны от этих условий в Англии, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий рабочий день, за законодательное ограничение рабочего времени, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете систему оплаты труда товарами и систему коттеджей в сельских местностях, — системы, которые используются “боссами” как средство господства над рабочими” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 263).

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 336.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 262, 263.

Когда читаешь поздние работы Маркса, нетрудно понять, что перспективы социалистической революции начинают вызывать у ученого определенные сомнения. Это состояние растущего пессимизма удастся преодолеть во времена Парижской Коммуны, но поражение последней и укрепление во Франции режима Третьей Республики еще более усиливают скептические настроения по отношению к неизбежности пролетарской революции. Маркс перестает работать над “Капиталом”. В то же время растет его интерес к менее развитым странам, прежде всего к России.

Наиболее существенные модификации историко-философской доктрины, сделанные самими ее основоположниками, касались условий осуществления социального переворота. Практика свидетельствовала, что революционные катаклизмы, стремление пролетариата взять власть в свои руки не зависят линейно от прогресса капиталистических отношений. В противном случае следовало бы ожидать, что Англия покажет пример не только развития производительных сил, но и революционного движения, приближения общества к социализму. Между тем реальность демонстрировала, что революционные движения (и рабочие партии) активнее развиваются в более отсталых странах. Во Франции, а не в Англии периодически происходили революционные взрывы, причем если события 1848–1851 гг. еще можно было трактовать как продолжение буржуазной революции (хотя социалисты чуть было не пришли к власти), то в 1870–1871 гг. революция (и особенно Парижская Коммуна) носила выраженный пролетарский и социалистический характер.

В еще менее развитой, хотя и быстро растущей Германии сформировалась влиятельная социал-демократия, рассматривавшая себя как партию рабочего класса и основывавшаяся на марксистском учении. Наконец, что не могло не удивлять ортодоксальных марксистов, марксизм стал популярен в России, где набирало силу революционное движение под социалистическими лозунгами²⁴.

Напротив, не только в Англии, но и в США, где капитализм развивался невиданными доселе темпами, признаки нарастания революционного напряжения отсутствуют. Рабочие партии здесь остаются слабыми. Концентрация богатства на одном полюсе не приводит к социальному взрыву на другом. Рассуждения Маркса и Энгельса о США и Англии содержат двоякого рода утверждения. С одной стороны, в США пассивность рабочего движения объясняется постоянным притоком иммигрантов и обилием свободной земли²⁵, в Англии — ее монопольным положением в мировой промышленности, обеспечивающим рост благосостояния английских рабочих за счет рабочих других стран²⁶. С другой — предпринимаются попытки доказать, что в конечном сче-

²⁴ В предисловии ко второму русскому изданию “Манифеста...” его авторы писали: “Первое русское издание “Манифеста Коммунистической партии” в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов... В то время русское издание “Манифеста” могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 304).

²⁵ См., например, написанное Ф. Энгельсом в 1886 г. “Приложение к американскому изданию “Положения рабочего класса в Англии”” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 263, 264).

²⁶ Там же, с. 204, 205.

те развитие идет по пути, предначертанному еще в середине 1840-х годов, и в наиболее развитых странах должен, наконец, произойти революционный катаклизм. И за всем этим стоит плохо скрываемая обида на пролетариат наиболее развитых стран, не понимающий “общие условия освобождения”²⁷. Постепенно тенденция к росту реальной заработной платы рабочих проявляется и в идущих в кильватере Англии странах континентальной Европы. В конце XIX в. марксисты попытались спасти чистоту своего учения, утверждая, что у Маркса *de facto* речь идет не об абсолютном, а об относительном обнищании пролетариата²⁸, а ведь это противоречит работам самого Маркса²⁹.

Продвижение марксистских идей на Восток потребовало уточнения еще одного принципиального вопроса: в какой мере универсальны закономерности, сформулированные Марксом? Неизбежно ли все страны должны будут повторить путь Англии, двигаться от феодальных к капиталистическим производственным отношениям и на основе последних — к социализму? Или, формулируя тот же вопрос в этических терминах, обязательно ли пройти через все тяготы и страдания капитализма, чтобы достигнуть всеобщего счастья и братства при социализме?

Ход событий подталкивал к выводу, что революция — не магистральное направление развития буржуазной цивилизации. Возможность революции нарастает на определенном, начальном этапе развития буржуазных отношений, когда происходит поляризация классов, и положение трудящихся, переселяющихся из деревни в город, может ухудшаться. Недаром после Англии центр революционной борьбы смещается во Францию и в Германию (отстававших от Англии на 30–40 лет), а затем — в Россию (на 50 лет).

Отсталые страны демонстрируют, что революционное движение разворачивается в них даже при отсутствии классических для марксизма предпосылок, при сохранении традиционных форм организации социально-экономической жизни. В первую очередь речь шла о России, о возможности использовать общину как ячейку, исходный пункт социализма. Здесь среди немарксистских социалистов была распространена точка зрения, согласно которой община создает условия для перехода к социализму минуя капитализм. Положительный ответ на этот вопрос означал бы существенный пересмотр учения об общественно-экономических формациях. В последние 10–15 лет своей жизни Маркс обратился к этой проблеме, стал изучать русский язык,

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 351.

²⁸ Каутский К. О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск, Основа, 1923, с. 60.

²⁹ “Есть марксисты, которые действительно готовы занять смехотворную позицию и утверждать, что тенденция к снижению жизненного уровня рабочего класса наблюдается фактически. Другие ограничивались менее абсурдным предположением, что абстрактный закон Маркса не действовал вследствие уникально благоприятных условий, преобладавших в XIX в. (таких, как открытие новых источников продуктов питания и сырья благодаря значительному удешевлению перевозок), но что он в конце концов подтвердится, если уже не подтвердился в 1930-х гг. Есть и такие интерпретаторы, которые пытались объяснить, что закон Маркса предполагает лишь относительное обнищание, т.е. падение относительной доли живого труда, но это интерпретация не только несостоятельна, но к тому же нарушает смысл закона Маркса” (Шумпетер Й. История экономического анализа, т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001, с. 903).

работал с российскими статистическими материалами. В его бумагах сохранились некоторые размышления по данному поводу. Характерно, что большинство из них не было предано гласности при жизни автора. В них он признает, что через развитие общины возможно в принципе прийти к социализму. Выясняется, что к социализму ведут несколько путей. Опыт западного капитализма не универсален. Маркс возражает против превращения его "очерка возникновения капитализма в Западной Европе" в некую "историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются". Он призывает вместо построения универсальных исторических законов "изучать каждую из этих эволюций в отдельности" и затем сопоставлять их друг с другом³⁰.

Из этого вытекает ряд далеко идущих выводов. Применительно к отсталым странам вообще и к России в частности приходится признать, что марксова схема может в них действовать только в том случае, если страна пойдет по пути разрушения традиционных форм развития капиталистических отношений. Сохранение общины позволяет перейти к социализму минуя буржуазную эксплуатацию. В определенной ситуации сохранившаяся община — это "элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя"³¹. "Анализ, представленный в "Капитале", не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные исследования, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития". В черновике эта мысль нашла такое уточнение: "Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами"³² (курсив наш. — Е.Г., В.М.).

Понимание нелинейности общественного развития в поздние годы его жизни заставляет Маркса внести коррективы в теорию общественных формаций. Впоследствии "Краткий курс истории ВКП(б)", написанный под руководством И. Сталина, сведет эту теорию к пресловутой "пятичленке", по которой мир развивается, переходя последовательно от одной формации к другой, более высокой. У Маркса все обстоит сложнее. Он выдвигает гипотезу о существовании трех фаз развития общества: первичной (архаической) общественной формации, основанной на общественной собственности, наиболее развитой (и последней)

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 120, 121.

³¹ Там же, с. 401.

³² Там же, с. 415. Несколько иная точка зрения излагается в предисловии к "Манифесту Коммунистической партии": возможность развития социализма из общины обуславливается синхронизацией русской революции с пролетарской революцией на Западе (там же, с. 305).

формой которой является земледельческая община; вторичной формации, основанной на частной собственности; и формации, вновь основанной на общественной собственности, напоминающей архаичную, но уже предполагающей более высокую фазу развития производительных сил³³. Из этого тезиса следует ряд выводов принципиального характера:

— формации могут развиваться не только последовательно, сменяя одна другую, но и параллельно; различные страны, находящиеся примерно на одном уровне развития производительных сил, могут характеризоваться различными общественными формами (азиатский способ производства, рабовладение, феодализм);

— не обязательно все страны должны пройти через одни и те же фазы развития общества (одни и те же производственные отношения), даже если их производительные силы находятся на сопоставимом уровне;

— существует множество факторов помимо экономических, оказывающих влияние на формы общественной жизни данной страны.

В последние годы жизни Маркс стал скептически отзываться о “вечных, железных, великих законах”³⁴. Это означало существенную трансформацию исходной доктрины, ее усложнение, вызов “светской религии”, которая не может быть сложной и многозначной и которая должна давать простые рецепты. Обозначилось противоречие. Развитие научных основ марксизма предполагало усиление внимания к нюансам, исключениям из правил. Но марксизм как “светская религия” требовал сохранения непоколебимости догм, минимизации исключений, выпячивания “железных законов”. Дальнейшее *научное* развитие марксизма заставляло признать, что значительная часть исходных установок не соответствует долгосрочным трендам развития цивилизации. А “религия” требовала решительной борьбы против попыток пересмотра не только логических конструкций, но и самой буквы нового “писания”.

Сам Маркс оказался в ловушке. Сложилась парадоксальная ситуация: марксизм стал заложником интеллектуальной мощи работ своего основоположника, его политического успеха. Маркс к концу жизни понял, что многое из написанного им перестает соответствовать действительности. Но предложенная им доктрина благодаря своей внутренней непротиворечивости и простоте уже “овладела массами”. А как писал он сам, “идея, овладевая массами, становится материальной силой”³⁵. Маркс пытается модифицировать некоторые элементы доктрины

³³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 419.

³⁴ Там же, с. 23, 24.

³⁵ Трудно переоценить влияние, которое оказали Маркс и его учение на осмысление логики и закономерностей мирового социально-экономического развития. Как воспринимали это учение его последователи, хорошо выразил признанный лидер марксизма в России конца XIX в. Г. Плеханов: “Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника. Французы называли и называют все науки, имеющие дело с человеческим обществом, *sciences morales et politiques* (моральные и политические науки), в отличие от *sciences*, “наук”, в собственном смысле этого слова, которые признавались и признаются единственными точными науками. И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной” (Плеханов Г. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: ОГИЗ, 1938, с. 92).

ны, но видит, что пересмотр отдельных фрагментов рушит все здание. А вокруг этого здания сформировались массовые партии, мировоззрение, цель жизни и судьбы сотен тысяч (и даже миллионов) людей. Все это может быть погребено под обломками, если здание рухнет. Да и соратники все менее склонны позволять потрясать основы учения, под знаменем которого строится их борьба и политическая карьера³⁶.

Читая поздние работы Маркса, легко заметить, что в последние годы жизни он чрезвычайно осторожно относится к публично произносимому слову. Он пытается внести коррективы, не посягая на суть учения, добавляет новые фрагменты, но не выходит за рамки писем и черновиков. Все наиболее смелые гипотезы скрываются даже не в частных письмах, а именно в черновиках, не предназначенных не только для публикации, но даже для отправки корреспонденту. В дальнейшем эти наброски или остаются в столе (“предоставляются грызущей критике мышей”, как он сам однажды выразился по другому поводу³⁷), или лишаются наиболее интересных пунктов, когда оказываются переписанными набело³⁸.

Так возникает конфликт между религиозной и научной сторонами марксизма, который будет оказывать сильное влияние на интеллектуальные поиски XX в. Для стран, провозгласивших марксизм своей официальной идеологией (“государственной религией”), этот конфликт будет иметь поистине трагические последствия, поскольку защита “чистоты марксизма” станет использоваться для оправдания политических репрессий и убийств.

Марксизм в эпоху зрелого индустриализма

В XX в. намечились две линии развития марксизма. Условно их можно определить как ревизионистскую и ортодоксальную, хотя нельзя говорить, что сторонники первой развивали марксово учение, а сторонники второй — стремились сохранить его в первоначальной чистоте. Развивали марксизм и те, и другие. И те, и другие вносили в учение модификации, которые, вероятно, вызвали бы бурное несогласие основоположников. Различие состоит в другом. Одна группа исследователей и политиков пыталась вносить в доктрину изменения по мере появления новых реалий, вызовов современного мира. Другая группа, сохранявшая в неприкосновенности каждую букву текстов основоположни-

³⁶ На конфликт между марксизмом как научной доктриной и политической идеологией обратил внимание еще Э. Бернштейн: “Социализм как воинствующее движение... не может ограничиться сферой науки и не заключать в себе элемента тенденциозности. Это положение создается самой природой вещей, так как первая цель социализма отнюдь не заключается в осуществлении научных постулатов” (Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? “Ответ Г. Плеханова”. Философское общество СССР. М., 1991, с. 35).

³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 8.

³⁸ Наиболее яркими примерами такого рода размышлений являются так и не отправленное письмо редактору “Отечественных записок”, а также письмо В. Засулич в сравнении с тремя его черновыми набросками (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 116–121, 250–251, 400–421). Стоит также обратить внимание и на “Историю секретной дипломатии”, так никогда и не опубликованную на русском языке.

ков, стремилась к такой интерпретации Маркса, которая обеспечивала бы приход и удержание власти партией, исповедующей марксистскую идеологию. Реализация обоих подходов была делом непростым.

“Ревизионисты” сосредоточили свое внимание на анализе новейших реалий, предлагали новые идеи, соответствовавшие логике изначального учения, но при этом учитывавшие происходящие в развитых странах перемены. Последние требуют пересмотра многих классических постулатов, включая главные: об обнищании широких народных масс и поляризации богатства и бедности (“закон капиталистического накопления”), об обязательности захвата власти пролетариатом в результате революции и установлении диктатуры пролетариата, об отмене частной собственности (“экспроприацию экспроприаторов”), ликвидации государства. Пересмотр этих установок провоцирует обвинения в оппортунизме и ревизионизме, однако позволяет сохранять влияние на широкие слои населения, реализовывать марксистские в своей основе идеи при формировании социалистического правительства. Ряды ревизионистов в конце XIX в. расширяются, причем те, кто недавно обвинял коллег по партии в оппортунизме, позднее сами оказывались “врагами” в глазах ортодоксов. Классический пример подобной судьбы — К. Каутский, сначала под аплодисменты ортодоксов борющийся с оппортунизмом Э. Бернштейна, а потом сам ставший жертвой аналогичных обвинений. Та же судьба ждала Г. Плеханова, многих других русских марксистов.

Ортодоксы в марксизме были склонны к его “творческому развитию” ничуть не в меньшей мере, но развитие это было продиктовано логикой борьбы за власть. Историю ортодоксального марксизма (или марксизма-ленинизма) можно разграничить на периоды — до и после захвата политической власти в 1917 г. Оппозиционная (подпольная) партия позиционировала себя как жесткого защитника марксизма в его неизменном виде. Большевики во главе с В. Лениным боролись с любыми попытками пересмотра марксистской доктрины в области философии, экономики или политической теории. Озабоченный интерпретацией очевидных фактов быстрого роста капиталистической экономики Ленин доказывал, что этот рост не отменяет изначальных марксовых исторических выводов. Такой ход событий приводит к еще большему обострению противоречий и к загниванию быстро растущей системы³⁹.

После захвата власти большевиками марксистская доктрина претерпевает разительные превращения. Большевики как жесткие прагматики, не желающие повторить трагическую судьбу якобинцев, идут на любые политические шаги, чтобы удержать политическую власть. Позиции меняются быстро, подчас на противоположные. Подтверждается тезис Энгельса: “Как это обычно бывает, когда власть попадает в

³⁹ “Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций... все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм”. Однако “было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма... В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет” (Ленин В. Полн. собр. соч., т. 27, с. 422).

руки доктринеров, и те, и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы”⁴⁰. Все это происходит с использованием словесной эквилибристики (“пары фокуснических фраз”). Комбинация цитат позволяла доказывать, что основоположники вовсе не возражали бы против новаций своих последователей. Это видно из отношения большевиков к ключевым политическим вопросам, среди которых:

— аграрная реформа — принятие эсеровской программы в 1917 г., отказ от нее, затем фактическое возвращение к ней в 1921 г., насильственная коллективизация в 1929 г.;

— организация промышленности — от фактического анархо-синдикализма в 1917 г. (попытка построить управление промышленностью через фабрично-заводские комитеты) к его критике в 1920 г. в дискуссии на IX съезде РКП(б);

— национализация — отказ от нее в конце 1917 г., национализация в 1918–1919 гг., частичная денационализация в 1921–1922 гг., тотальное огосударствление в 1928–1929 гг.;

— товарно-денежные отношения — их признание в переходный период в 1917–1918 гг., отказ от них в 1919–1920 гг., их признание в 1921 г., фактическая ликвидация системы в 1929 г., а затем постоянные колебания по вопросу о “действии закона стоимости при социализме”;

— тезис о победе пролетарской революции в отсталой стране и построении социализма в одной отдельно взятой стране;

— тезис об отмирании государства при социализме; об этом писали не только основоположники марксизма, но и В. Ленин: когда выяснилось, что советский строй не может существовать без государства, подавляющего инакомыслие, коммунистические власти в Программе КПСС 1961 г. предложили “диалектическое” решение — отмирание государства будет происходить через его всемерное развитие.

Список можно продолжить. Но главное в ином — несмотря на борьбу за “чистоту” марксизма, ортодоксы, как и ревизионисты, были готовы пересматривать его суть. Вплоть до изобретения термина “реальный социализм”, смысл которого заключался в простой идее: социализм — то, что существует в СССР и его сателлитах, никакого другого социализма нет, да и быть не может.

Первая половина XX в. стала эпохой торжества марксизма как политического учения, идеологической доктрины и “светской религии”. Хотя многие детали прогноза развития, содержащиеся в работах Маркса и Энгельса, оказались неточными, генеральное направление социально-экономической динамики вроде бы пролегалось вполне “по Марксу”. Отчасти это было связано с реальными процессами, отчасти — с приходом к власти в ряде стран партий, провозглашавших себя марксистскими.

Развитие марксизма в этот период проявляется прежде всего в двух различных, хотя и взаимосвязанных процессах. Происходят рево-

⁴⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 197, 198. О прагматизме революционных радикалов вообще и о прагматизме большевиков в частности см.: Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001, с. 133–136.

люции, ведущие политические силы которых объявляют себя последователями марксизма. Революции осуществляются не там, где предсказывали классики, и не совсем так, как это должно было бы быть по теории. Они случаются в неразвитых, отсталых странах мира. Наиболее яркие примеры — Россия, а затем еще менее развитые Монголия, Китай, Вьетнам, Куба. В ряде стран компартии приходят к власти при силовой поддержке извне (прежде всего из СССР и КНР). Правители ряда слаборазвитых стран заявляют о своих намерениях строить социализм. Однако кто будет обращать внимание на эти детали, когда коммунистическая идеология победоносно шествует по миру, а с коммунистическими режимами уже нельзя не считаться, они слишком сильны в военном и политическом отношении!

Да и в западном мире проявляются тенденции к концентрации и централизации производства. Бумы сменяются тяжелыми, невиданными экономическими кризисами. Пиковым стал кризис 1929–1933 гг. О важности централизованного регулирования производства и распределения все чаще говорят далекие от марксистской идеологии руководители капиталистических стран. В некоторых из них социалистические партии расширяют свое представительство в парламентах, формируют правительства (лейбористы в Великобритании, социалисты во Франции и т.п.).

Видные буржуазные политические деятели начинают относиться к марксизму как к серьезной научной доктрине, с которой нельзя не считаться. Они признают справедливым тезис о наличии “железных законов” истории, о реальности социалистической альтернативы. В конце XIX в. обер-прокурор российского Синода К. Леонтьев писал: “Все эти нации, все эти государства, все эти [европейские] общества сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смещения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т.д. И в то же время они много “преуспели” на пути большего сродства с другими государствами и другими обществами. Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем были прежде... Все идет к одному — к какому-то среднеевропейскому типу общества и господству какого-то среднего человека”⁴¹.

Представление о “железных законах истории”, которые задают тенденции в общественном развитии, становится весомым аргументом в принципиальных политических дискуссиях. Обосновывая историческую необходимость даровать народу свободу, С. Витте в 1905 г. писал Николаю II: “Ход исторического процесса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, — они будут неудачны, но они будут, несомненно, — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права”⁴².

⁴¹ Леонтьев К. Национальная политика как орудие всемирной революции. Письмо к О. Фуделю. М., 1889, с. 17, 22.

⁴² Витте С. Записка о необходимости реформ, представленная императору Николаю II 9 октября 1905 года. — Красный архив 1925, № 4–5, с. 51–61. С. Витте воспринимал марксизм как основательную научную теорию.

Популярность марксизма в этот период связана с достижением капиталистической системой зрелой индустриальной фазы развития. Для индустриализма характерны широкое развитие массового производства, его концентрация и централизация, рост масштабов производства при сохранении относительной простоты потребностей, которые оно призвано удовлетворять.

Развитому индустриальному производству присущи:

- простота и однородность потребностей, которые можно удовлетворить, увеличивая выпуск товаров и выравнивая их распределение между населением;
- наличие машин, работу которых призван обслуживать человек;
- широкое развитие конвейерной формы организации труда, когда сотни и тысячи людей подчиняются ритму работы машин;
- экономия на масштабе, при которой концентрация производства обеспечивает сокращение издержек и удешевление продуктов труда.

Общественную систему, в основе которой лежат индустриальные технологии, легко сочетать с социально-политическими новациями марксизма. Рабочий класс здесь становится одной из ведущих сил общественной жизни и прогресса. Усиление централизованного контроля за производством позволяет избежать потерь ресурсов, неизбежных в результате конкуренции. Менее развитым странам концентрация ресурсов на приоритетных направлениях развития производства дает возможность преодолеть отсталость, осуществить технологический прорыв.

Конкуренция и инновационный поиск предпринимателей представляются неразумной экзотикой вчерашнего дня. Кажется, что прогресс производительных сил позволяет сделать экономические отношения прозрачными, легко контролируемыми и оптимизируемыми. Все сложности приносятся в общество искусственно, вследствие существования товарно-денежных отношений (“превращенных форм”, по Марксу) и частной собственности. В случае обобществления (национализации) производительных сил отношения между людьми скинут вещную оболочку и станут прозрачными и понятными любому человеку. Представление об упрощении общественной организации как генеральном направлении его развития позднее переносится и на сферы интеллектуальной деятельности, что должно было свести всю сложность общественных отношений к организационным (техническим)⁴³.

Во многих событиях мировой истории 1920–1930-х годов можно было видеть явное или неявное свидетельство торжества марксизма. Накануне первой мировой войны идеи централизации и координации приобрели широкую популярность среди политиков и интел-

⁴³ Наиболее последовательно и полно идеи упрощения разрабатывались выдающимся марксистом России А. Богдановым. В своей знаменитой “Тектологии” он попытался дать синтез научного знания в единой “организационной науке”, которая должна была заменить собой философию (Богданов А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989). На этой основе Богданов утверждал, что со временем будет разработана синтетическая наука, которая будет достаточно простой для понимания любым человеком, что будет способствовать достижению социального равенства (Богданов А. Инженер Мэнни. — Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990).

лектуалов отнюдь не только левого направления⁴⁴. На волне Великой депрессии к тем или иным формам прямого государственного вмешательства в экономику приходят правительства большинства развитых стран. Экономическая политика таких различных систем, как СССР И. Сталина, Германия А. Гитлера и США Ф. Рузвельта, имела ряд схожих черт⁴⁵. Более того, менее развитые страны пытались копировать экономико-политические решения, марксистскую фразеологию СССР для выработки и обоснования своей экономической политики.

В это время раздаются и критические голоса, сомневающиеся в долгосрочной эффективности централизованной (социалистической) экономики. Разрабатывается новая система аргументов в поддержку тезиса о том, что конкуренция и связанная с ней неопределенность не являются механизмом бессмысленного разбазаривания ресурсов, а напротив, стимулируют инновационную активность индивидов⁴⁶. Однако эти аргументы не привлекают широкого внимания: социализм более устойчив, чем прогнозировали его критики (не верившие, что эта система может существовать на протяжении многих лет). Марксистские и близкие к ним режимы демонстрируют успехи как в экономической сфере (ускоренная индустриализация), так и в политической (победа во второй мировой войне, расширение границ советской империи). Количество жертв, принесенных на “алтарь” этих побед, во внимание не принимается.

Практическая реализация марксистской доктрины позволяла сделать четыре вывода:

— концентрация производства действительно имеет место, это ведет к переустройству систем регулирования и распределения в развитых странах;

— налицо социалистические революции; они, правда, происходят не в самых развитых (и это не соответствует учению), но все-таки в больших странах и под марксистскими лозунгами, а приходящие к власти партии стремятся к реализации идей, сформулированных Марксом;

— социализм продемонстрировал устойчивость; более того, позволяет достигать высоких темпов роста; страны, в которых господствуют марксистские партии, оказываются способными побеждать в тяжелых войнах;

— в развитых странах события развиваются не совсем по Марксу — обнищание прекратилось, положение трудящихся не ухудшалось, а, напротив, улучшалось, классовые антагонизмы преодолеваются, революция маловероятна, но и здесь происходит концентрация производства, сопровождающаяся усилением государственного регулирования экономики.

⁴⁴ В России 1908–1913 годов можно было нередко слышать призывы к введению государственной монополии на производство или распределение отдельных товаров (хлеб, уголь), предостережения против доверия к закону стоимости и рыночному ценообразованию. И даже правительство в 1913 г. поставило перед собой цель разработать “пятилетний план развития российской промышленности” (Май В. Реформы и догмы. М.: Дело, 1993, 13–35).

⁴⁵ См.: Стародубровская И., Май В. Великие революции от Кромвеля до Путина, с. 333–339.

⁴⁶ Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе. — Экономист, 1922, № 1–3; Мизес Л. Социализм. М.: “Catallaxy”, 1994 {1922}.

На этом фоне тезис о верности марксовской схем до середины XX в. практически не подвергался сомнению. Не только восточные революционеры, но и западные интеллектуалы (и даже некоторые буржуазные политики) признавали его правоту. Не во всем, конечно, но общая тенденция экономического прогресса, казалось, была Марксом предсказана правильно. Происходит концентрация производства и капитала, кризисы становятся все более разрушительными (причем кризисы не только экономические, но и военно-политические), общество требует усиления централизованного регулирования. В эти годы почти все соглашались, что необходимо государственное вмешательство в экономику для преодоления экономических кризисов, которые “широко воспринимались как признак конца капитализма”⁴⁷. За этим следовал вывод о “конце истории”, в котором видели, правда, торжество не столько коммунизма, сколько тоталитаризма⁴⁸.

Пиком триумфа марксизма можно считать выход в 1942 г. работы Й. Шумпетера “Капитализм, социализм и демократия”. В ней выдающийся экономист и в последующем автор фундаментальной “Истории экономического анализа” признает правоту выводов Маркса почти столетней давности. У Шумпетера уже не вызывает сомнения, что все разумные люди теперь — за социализм⁴⁹. Это не является более предметом серьезного обсуждения. Победы советских войск на фронтах второй мировой войны добавляют материальный аргумент к такому теоретическому выводу. Но пик популярности идеи часто несет в себе и зарождение глубокого кризиса. Символичен тот факт, что практически одновременно с книгой Шумпетера вышел памфлет Ф. Хайека “Дорога к рабству”⁵⁰. В данной работе, посвященной “социалистам всех стран”, автор выдвигает стройную систему аргументов, подтверждающих, что социализм и марксизм обречены на поражение.

Выдвижение набора аргументов еще мало что значит в истории. В конце концов на протяжении 1920–1930-х годов время от времени появлялись работы, убедительно критиковавшие коллективистскую систему хозяйственной организации. В соответствии с марксистской философией истории для кризиса социалистической идеи должны были созреть материальные предпосылки. И действительно: подлин-

⁴⁷ Barkai A. Nazi Economics: Ideology, Theory, and Policy. Oxford–New-York–Munich, Berg, 1990, p. 98. Многие авторы отмечают также распространенные в США (особенно в левых кругах) представления о том, что экономический кризис означает смерть капитализма (Eckstein O. Ideologies and Utopias: The Impact of the New Deal on American Thought. Chicago, Quadrangle books, 1969, p. 66, 179).

⁴⁸ Дж. Оруэлл вспоминал об этом времени: «Помнится, я как-то сказал Артуру Кестлеру: “История в 1936 году остановилась”, — и он кивнул, сразу поняв, о чем речь. Оба мы подразумевали тоталитаризм» (Оруэлл Дж. Мысли в пути. М.: АСТ — Ермак, 2003, с. 16).

⁴⁹ Й. Шумпетер писал буквально следующее: “Социализму перестали сопротивляться с той страстью, какую вызывает иной тип морали. Он стал тем вопросом, который обсуждают на базе утилитарных доводов. Остались, конечно, отдельные твердокаменные, но вряд ли они имеют достаточную поддержку, чтобы иметь политическое влияние. Это как раз и есть то, что висит в воздухе, — доказательство, что самый дух капитализма ушел в прошлое” (Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995, с. 28).

⁵⁰ Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

ный и глубокий кризис марксизма как теоретической базы социализма и коммунизма наступил только с кризисом зрелого индустриального общества, с формированием новой технологической базы. Иными словами, сам кризис марксизма стал подтверждением правоты его историко-философской доктрины.

*Формирование постиндустриального общества,
марксизм и социализм*

Послевоенный бум, охвативший примерно двадцатилетний период, заложил основы глубоких изменений в материальной базе современного общества. Некоторые явления, казавшиеся неотъемлемыми чертами капитализма, уходят в прошлое, глобальные потрясения и кризисы 1920–1930-х годов не повторяются. Ускоряются темпы экономического роста, расширяется мировая торговля. Продолжается быстрый рост благосостояния основной массы населения в развитых странах мира, увеличиваются расходы на социальные программы, вложения государства в “человеческий капитал” (прежде всего в образование и здравоохранение). Снижается доля доходов от собственности в ВВП развитых стран⁵¹. Намечился радикальный поворот в характере производительных сил, в организации производства.

Можно выделить следующие важнейшие особенности новой технологической базы, сформировавшиеся во второй половине XX столетия:

— происходят глубокие структурные сдвиги в экономике, суть которых в сокращении доли промышленности, росте доли сектора услуг (как в производстве, так и в занятости). Доля производства услуг к концу XX в. превышает половину объема национального производства в наиболее развитых странах мира. Это подрывает один из важнейших постулатов марксизма о “всемирно-исторической роли” промышленного пролетариата;

— повышается динамизм развития производительных сил, технологий, ускоряется обновление технологической базы, состава выпускаемой продукции. Это повышает уровень неопределенности в организации технологического процесса. Важнейшие характеристики, тенденции развития производства оказываются принципиально непредсказуемыми. Концентрация производства, стандартизация производственных процессов перестают быть важнейшими факторами, повышающими эффективность экономики. Они уступают гибкости, способности быстро перестраивать производство, систему оказания услуг, переориентировать их на меняющийся потребительский спрос. Это подрывает еще одну фундаментальную черту (и в представлении многих — преимущество) коммунистической системы — возможность долгосрочного планирования и координации действий хозяйственных агентов.

⁵¹ Подробная характеристика послевоенных тенденций современного экономического роста предложена С. Кузнецом (Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven–London, Yale University Press, 1966, p. 186–190, 217–219, 424–426).

— происходит насыщение спроса продуктами, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности человека. Проблема бедности (или неравенства) перестает быть проблемой физического выживания индивида. Потребности выходят на новый уровень, их удовлетворение прежде всего связано с индивидуальными склонностями человека. Это предопределяет сдвиги как технологического, так и социального характера: кризис конвейера, диверсификация потребностей.

Во второй половине XX в. становится ясно, как развитые общества адаптируются к новым вызовам. Главную роль в этом играет государство. В марксовом анализе оно лишь “комитет по управлению общими делами буржуазии”, инструмент классового господства. А теперь государство демонстрирует самостоятельную роль, способность находить формы разрешения острых противоречий неревolutionным путем⁵². Революции оказываются уделом менее развитых стран с жесткими общественными формами, не способными гибко реагировать на вызовы времени.

По мере роста благосостояния подавляющая масса граждан страны становятся собственниками, заинтересованными не в переделе созданного продукта, а в обеспечении стабильных условий роста благосостояния. Общество, достигшее благосостояния, в котором большинству граждан “есть, что терять”, не любит нестабильности, тем более не склонно к революционным взрывам. Интерес к революционному марксизму, предполагающему радикальный передел собственности, ослабевает.

Начинается кризис системы советского коммунизма, официально основанной на марксистско-ленинском учении. Столкнувшись с вызовом постиндустриального мира, социалистические страны либо оказываются неспособными к нему адаптироваться, и тогда это приводит к кризису и краху (Советский Союз, страны Центральной и Восточной Европы), либо на индустриальной стадии начинают перестраивать свою экономическую систему, восстанавливают в ней рыночные элементы, отходят от автаркии, интегрируются в мировое хозяйство (Китай, Вьетнам). Лишившись поддержки со стороны СССР, терпят крах попытки “построения социализма” в слаборазвитых странах третьего мира.

Марксистское учение сталкивается с кризисом, который связан с двойственной природой марксизма, смешением в нем двух взаимоисключающих компонентов — социальной теории и “светской религии”. Возникают общие вопросы: применимы ли марксовы подходы к анализу социально-экономического развития *в принципе*? Является ли то, что происходит в последние десятилетия, кризисом марксизма или его крахом? В какой мере методология Маркса способна быть полезной для современного исследователя? Для ответа на них необходимо рассмотреть, как выглядят элементы марксистской философии истории сквозь призму опыта XX века.

Продолжение следует

⁵² См. подробнее: Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина, с. 332, 333.